

Глава 3

Вот тебе и христианское просвещение!

Моя короткая встреча с Джоном в парке принесла больше разочарований, чем пользы. Хотя я и расстался с ним в предвкушении новых перспектив, и прошел сквозь тот день, не давимый стрессом, гнет которого я ощущал раньше, энтузиазм иссяк быстро.

Я плохо помнил все, что он сказал и продумывал тысячу вопросов из тех, которые я бы мог ему задать. Тот факт, что времени у нас было мало, а он не хотел назначать никаких свиданий, меня просто бесил. Да кто он такой, в конце концов? Не разыгрывает ли он надо мною какую-нибудь злую шутку? Может, он вообще - преследующий меня сумасшедший.

Но он не вел себя как сумасшедший. Беседовать с ним мне было совершенно комфортно. Это напоминало те беседы, которые у меня были с отцом, до его гибели в аварии пять лет назад. Странно, но у меня было такое же благорасположение к этому Джону, кем бы он ни был. С его легкой руки у меня разгорелась жажда к познанию Иисуса, и она не угасла за прошедшие месяцы, несмотря на мои безуспешные попытки ее утолить.

После той нашей встречи, я специально спланировал 45 минут с утра на чтение Библии и молитвы, подгадав их на то время, когда все остальное семейство еще спало. Несмотря на мою сознательность в этом деле, никаких изменений не наблюдалось. Рабоче-семейный стресс быстро вернулся. Мои молитвы не производили никакого результата, даже в тех сферах, о которых я молился наиболее усердно. Я терял надежду, но был тверд в постоянстве.

К тому времени, я уже лелеял надежды на новую внезапную встречу с Джоном, но она не происходила. В течение нескольких недель я ловил себя на мысли, что невольно ищу его глазами повсюду. Шел ли я в магазин, сидел ли в ресторане или просто ехал по городу – я шарил взглядом по прохожим - не он ли? Когда возникала фигура, похожая на него ростом и видом, мое сердце замирало. Но, когда я подходил ближе, мои надежды улетучивались. Я даже несколько раз наведывался к скамейке в парке – проверить.

Представьте мое удивление пять месяцев спустя, когда я увидел знакомое мне лицо там, где я меньше всего его ожидал – заглядывающим в шестигранное окно на одной из дверей, ведущих в зал собрания нашей церкви. Было воскресное утро, шло самое большое наше богослужение, а я как раз шагал по проходу к свободному месту; на лице у меня было написано «что бы они тут без меня делали!» поскольку я только что справился с нашей хай-тек звуковой системой, устранив какие-то неприятные шумы. Всего-то надо было подергать за два проводка, проложенных под сценой, - на время сработало и мы решили, что потом надо будет посмотреть, в чем там дело.

Двигаясь по проходу, я чувствовал на себе взгляды людей, не смотря на то, что пастор как раз в это время произносил молитву. Я тоже держал голову склонено, пока не дошел до своего ряда, тут я поднял глаза, посмотрел вдоль прохода – и сразу же увидел его. Ошибки быть не может: те же глаза, мое сердце почти прекратило биться, когда я его узнал.

Я решил не пробираться к своему свободному месту, и проскользнул в вестибюль сквозь другую секцию дверей. Он стоял все там же, нахмурившись. Я помню, что первой мыслью было, что как-то он не вписывался в картину нашего здания. Не знаю, что натолкнуло меня на эту мысль. Точно не его наряд. Он был одет в спортивную рубашку с коротким рукавом, обычные брюки – более чем приемлемо для наших демократичных калифорнийских богослужений. К нам приходили и не такие: с похожими бородами, только волосами подлиннее, которые вообще выглядели как опоздавшие за течением времени хиппи. Но он просто был тут ни к месту.

«Джон, вы, что тут делаете?» - прошептал я

Он медленно повернулся ко мне, улыбнулся в знак приветствия, и снова вернулся к тому, что происходило внутри зала. После нескольких секунд он, наконец, произнес: «Я подумал, не повидаться ли с тобой, конечно, если у тебя найдется время поговорить».

«Где вы были? Я надеялся, что встречу вас где-нибудь?» Он продолжал смотреть в окно. «Я бы очень хотел поговорить. Но сейчас не самое лучшее для этого время. Там проходит наше основное богослужение».

В этот раз он оторвался от окна: «Я понял». Я услышал, как в зале все встали, и оркестр прославления заиграл очередной гимн.

«Может чуть позже? После служения?»

«Я тут проездом и подумал, что стоит тебя проведать, посмотреть, как идут твои дела. Находишь ли ты ответы на свои вопросы?»

«Не знаю. Делаю все, чему научен. Мое «тихое время» приходит в норму - лучше, чем сейчас никогда не было».

Его молчание подсказало мне, что я не ответил на вопрос. Я подумал перемолчать его, но пауза так неловко затянулась, что я не смог не заговорить снова. «М-м-м – ну вот.....»- как бы это ему сказать? «Думаю, что нет.... Больше того, кажется, что чем сильнее я стараюсь, тем опустошеннее себя чувствую».

«Вот и замечательно», - кивнул Джон, не отрываясь от того, что происходило в зале собрания. «Значит, ты извлек невероятно важный урок, правильно?».

«Как это.....?» Я подумал, что он меня не понял. «Я сказал, что ничего не выходит. Я, правда, старался, как мог, но все еще чувствую ту же пустоту внутри».

«Я понял», - ответил Джон, снова оборачиваясь в мою сторону. «Хочешь знать почему? Пойдем, покажу».

Сказав так, он развернулся, кивнул мне следовать за ним и замаршировал вдоль по коридору, ведущему к крылу, в котором размещался наш образовательный блок. Видя, как он удаляется от меня, я бросил взгляд назад, в зал собрания. Я не могу идти за ним сейчас. Я должен присутствовать на служении. Что, если звуковая система снова забарахлит? Что если.....

Он заворачивал за угол. Знакомая ситуация, так я его один раз уже потерял... Времени на раздумье не было, еще один короткий взгляд в зал собрания – и я бросился вдоль коридора догонять его.

Заворачивая за угол, я чуть не сбил с ног молодую пару, двигавшуюся в обратном для меня направлении. Я извинился за столкновение, но они не поняли в чем дело. Их лица горели смущением.

«Стоит только раз опоздать», - выдохнула женщина, - «и смотри, кто нас поймал – один из пасторов! Честное слово, мы никогда не опаздываем». Через ее плечо было видно, что Джон остановился, подпер стену, и наблюдал за нашим обменом любезностями, поджидая меня. Брови его игриво изогнулись, а улыбочка выражала «Ну, брат, ты попался!»

Я вдруг почувствовал себя церковным постовым. Пару воскресных служб назад я обратился к пастве с архисерьезным воззванием о том, как это важно – приходить на служение во время, чтобы не отвлекать своими опозданиями других верующих от общения с Богом. Я просто ощущал, как Джон пеленговал нашу беседу, напрягая слух.

«У нас колесо спустило», - оправдывался мужчина.

«Повезло вам, сегодня не буду выписывать штрафов за опоздание», - пошутил я, в надежде сгладить их неловкость, да и свою тоже. «Я рад, что вы, тем не менее, добрались. Проходите, пожалуйста». Я обнял обоих и провел в зал собрания, у дверей которого благополучно передал их в руки наших швейцаров, позаботившихся о том, чтобы найти им свободные места.

Я снова рванулся через вестибюль и повернул по ходу коридора, ведущего к образовательному блоку. Он там и стоял, как раз напротив информационной доски по делам Воскресной школы. Взгляд был направлен вверх нее, он рассматривал трехдюймовые буквы, составленные в слова: «ВОЗРАДОВАЛСЯ Я, КОГДА СКАЗАЛИ МНЕ: «ПОЙДЕМ В ДОМ ГОСПОДЕНЬ».

«Что это значит?» - спросил он, проведя указательным пальцем дугу, следуя по тексту.

«Что мы должны радоваться, приходя в присутствие Бога». Интонация моего высказывания невольно изогнулась в форму, более напоминающую вопрос.

«Замечательный ответ. А почему это помещено именно сюда?»

«Это слоган нашего служения в области христианского просвещения». Ответил я, стараясь показаться невозмутимым, но точно знал, что он к чему-то клонит. Только не понимал к чему.

«Мы стараемся создать такую атмосферу, которая привлекала бы детей на наши занятия».

«А «Дом Господень», значит и есть вот это здание?» - он повел руками в обе стороны от себя.

Ну вот! Такой поворот в разговоре меня не очень устраивал. После некоторой паузы я отпарировал: «Ну, конечно, мы все знаем, что этот стих имеет гораздо более глубокий

смысл». Я лихорадочно искал правильный ответ, но меня терзало неумолимое чувство того, что в моем арсенале его не было.

«А какой смысл несут эти слова тем людям, которые их читают?»

«Скорее всего, они полагают – суть в том, чтобы ходить в нашу церковь».

«А вы хотите, чтобы они именно так и думали?» Я решил, что если не отвечу теперь, он продолжит. Но молчание вновь продлилось гораздо дольше, чем я мог вынести.

«Наверное, хотим».

«А вам не приходило в голову, что основная мощь новозаветного писания заключена в том, что оно освобождает нас от убеждения, утверждающего, что Бог живет в каком либо строении. Для народа, погрязшего в ритуальном храмовом служении, это была либо потрясающая либо убийственная весть. Христовы последователи полагали, что она невероятно радостная. Им больше не надо было представлять себе Бога, заключенного в храмовом святилище, доступного только особым людям и в особо отведенное время».

Я услышал ноты грусти в его голосе и промолчал.

«Ну, так если не в этом здании, Джейк, то где же Дом Господень?»

«В нас». Я покачал головой, осознавая всю глупость того, куда и как был помещен этот стих. Что бы сказал Джон, если бы узнал, что это была моя идея. Об этом я ему точно не скажу.

«А если так, то как же нам попасть в себя?» Он вздохнул как бы с досадой «Ты помнишь, какие слова сказал Стефан, прямо перед тем, когда его вывели, чтобы побить камнями? «Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет...». Вот, когда они заскрежетали на него зубами. Это напомнило им о том, что Христос обещал разрушить храм и восстановить его за три дня. Когда дело касается собственности в форме недвижимости, люди идут на многое, особенно, если они убеждены, что в ней живет Бог.

Я просто молча кивнул, соглашаясь со сказанным.

«А сами они рады, когда приходят?»

Мне пришлось немного сосредоточиться на том, кого он подразумевал под своим вопросом. «А, ну мы надеемся. Мы много над этим трудимся».

«Это уж точно». Взгляд Джона скользил по информационной доске, где были помещены все объявления о наших обучающих семинарах, собраниях сотрудников, занятиях, а по контуру красовались хозяйственные просьбы о церковных нуждах.

«Качественная программа требует приложения усердного труда».

«Вне сомнений. И вовсе не навешивает на вас груз вины». Я проследил за его взглядом, который упирался прямо в центр нашего рекламного плаката по привлечению к работе преподавателей. На нем красовался подросток, увенчанный панк-гребешком, один, в ночи,

на улице в большом городе. Большими буквами внизу слева было написано «Кто, если не ты пожертвует своим временем, чтобы он узнал Иисуса.... Запишись сегодня»

«Вины? Мы не пытаемся повесить ни на кого чувство вины, просто обнародуем факты».

Он покачал головой и пошел дальше по коридору. Я снова оглянулся в сторону зала собрания, туда, где я должен был находиться. Но тут же решил, что лучше мне остаться с Джоном, который в этот момент уже поворачивал в следующую рекреацию.

Обогнув угол, я услышал детские голоса вразнобой тянущие:

«Все стоим мы по местам, интересно будет нам. С добрым утром! С добрым утром!»

Джон заглядывал в полураскрытую застекленную дверь. Первоклашки сидели рядами на миниатюрных стульчиках, расположенных как было удобно учителю. Не успела закончиться приветственная песенка, как в классе все заерзали, начались щипания, толкания и смех. Мальчуган, облаченный в голубую трикотажную жилетку, повернулся и показал язык одной из девочек. Увидев, однако, что двое взрослых мужчин наблюдают за происходящим, он тут же развернулся и сделал вид, что он весь – внимание.

С нашего угла обозрения учителя видно не было, но умоляющий голос, срывающийся на крик, слышался справа от нас.

«Давайте повторим стих, который был задан на дом». Пыталась она перекричать шум. «Ну-ка! Успокойтесь, а то останетесь без угощения!» Очевидно, это была отработанная угроза, потому что класс начал утихомириваться.

«Кто учил заданный на дом стих?» По классу поднялся лес рук. «Давайте повторим вместе. “Возрадовался я, когда сказали мне” четкие голоса не меняли тональности. “Пойдем в Дом Господень” Псалом 121:1» Большая часть хора потерялась по ходу цитирования, однако был слышен голосок одной девочки, которая всем хотела показать, что она знала задание.

«Что это значит?» - постаралась перекричать нарастающий шум учительница.

Две руки взметнулись вверх, и неудивительно, что одна из них принадлежала той самой девочке, которая громко цитировала писание.

«Шерри нам скажет!»

«Это моя девочка», - прошептал я Джону.

Она встала. «Это значит, что нам должно нравиться ходить в церковь, потому что тут живет Бог».

«Правильно», - отметила учительница, и я почувствовал, что краснею от стыда.

Я смог только пожать плечами, когда Джон обернулся, весело улыбаясь. Беззвучно он прошептал: «Сработало!» Выражение его лица сняло чувство неловкости с моей души. Было ясно, что он здесь не для того, чтобы стыдить меня.

Когда мы оба вернулись к происходящему за дверью, учительница раздавала поощрительные звездочки, которые дети сами лепили на настенную оценочную таблицу. Это была наша методика поощрения за посещаемость, выученные стихи из Библии и за наличие Библии на уроках. Класс пришел в хаос: опережая друг друга, дети рвались за знаками отличия, искали свои имена на доске и пытались прилепить звездочки на место.

Когда все, наконец, вернулись на места, учительница подошла к доске и выделила несколько имен. «Посмотрите-ка на все эти звездочки у Бобби. Шерри тоже молодец, и Лиз, и Келли. Надеюсь, вы помните, что пять наших Суперзвезд получают особый приз в конце четверти. Трудитесь поусерднее. Обязательно приходите на занятия каждую неделю, приносите Библии и учите стихи, заданные на дом».

«Список составлен и дважды проверен.....» - тихонько промурлыкал Джон. Я не сразу припомнил песенку Санта Клауса, она была не из нашего репертуара. «Этого достаточно?» - спросил он, поворачиваясь ко мне.

«Кому... мне? Я просто сопровождаю вас. Мне хорошо известно, что тут происходит».

«В этом я не уверен». Джон развернулся от застекленной двери и двинулся дальше по коридору, остановившись, наконец, у фонтана. Правая рука, прижатая к груди, поддерживала локоть левой, которой он мял лоб опущенной головы.

«Джейк, ты заметил того мальчугана, который сидел рядом с твоей дочкой? Такой: в шортиках и светло-желтой футболке?»

«Нет, не совсем».

«Ну, не удивительно. Его особо и не заметишь. Он не шумел, просто сидел, опустив голову и сложив ручки».

«А, я знаю, о ком это вы. Это - скорее всего, Бенджи».

«Бенджи. Ты заметил, что он не знал ни слова из того стиха и даже не привстал, чтобы взять свою звездочку, которую он заработал за то, что пришел сегодня?»

«Нет, не заметил».

«Как ты думаешь, что он должен испытывать от происходящего?»

«Я надеюсь, что ему захочется подтянуться, начать приносить Библию и почаще приходить подготовленным к занятиям. На то они и побуждающие приемы. Все их используют».

«Ну а как ему обскакать..... Шерри - так ее зовут? Его родители могут уделить ему столько же внимания, сколько ты своим детям?»

«У него только мать, своего отца он никогда не видел. Мать его трудолюбивая женщина, любит его сильно, но вы то догадываетесь, что значит одной растить ребенка. Я и представить себе этого не могу».

«На твой взгляд, уйдет ли у нас сегодня Бенджи вдохновенный?»

«Мы на это надеемся.....» я вспомнил Бенджи, сколько раз я видел его там, сидящим с отсутствующим взглядом. «Полагаю, мы должны отметить, что пока это не произвело своего эффекта. Но с большинством детей все в порядке. У нас в городе самое успешное детское служение».

«То есть ты хочешь сказать, что чувство успеха у Шерри стоит того, чтобы строить его на чувстве стыда Бенджи?»

Я попытался ответить на этот вопрос, но не нашелся, что сказать такого, чтобы оно не звучало совершенно глупо.

«Ты, Джейк, сам ходил в детстве в воскресную школу?»

«Ходил. Мои родители буквально взрастили нас в церкви. Я даже выиграл соревнование по заучиванию стихов из Библии – выучил 153 стиха за три месяца».

Джон широко открыл глаза «Правда? И что тебя на это сподвигло?»

«Победитель получал новую Библию».

«Я подозреваю, что тебе она как раз меньше всего была нужна».

Я на минуту задумался и вспомнил, что незадолго до того, родители действительно купили мне новую Библию. Я сделал удивленное лицо и взметнул брови в недоумении, как бы говоря: откуда вы знаете.

«Обычно тем, кто выигрывает, нужен не приз».

«Ну, у меня была другая Библия. Однако эта была особенная – я же ее выиграл».

«Сто пятьдесят три..... Это много стихов».

«Заучивание всегда давалось мне легко. Стоит пару раз прочитать – и я помню наизусть. На самом деле, было не трудно. Большую часть стихов я выучивал утром, перед тем, как идти в церковь».

«А на сколько стихов вытянуло второе место?»

«Чтобы быть точным – 35. Я их далеко обскакал».

«И ты полагаешь, что все это было здоровым проявлением порыва духа?»

Надеюсь, что мы не будем это оспаривать..... подумал я, но говорить не стал.

«Расскажи-ка мне о других своих победах».

«Когда мне было десять, я получил золотой значок в награду за непрерывное посещение воскресной школы в течение трех лет. Пастор вручил его мне во время воскресной службы перед всей церковью. Все хлопали – это надо было слышать и видеть..... такие моменты в жизни не забываются.....»

«И дают ощущение, что есть ради чего жить, да?»

«Что вы имеете в виду?»

«Разве не это ты преследуешь в своей жизни с тех пор - это чувство того, что ты особенный?»

Словно завеса упала у меня с глаз. Большая часть моих решений в жизни принималась с учетом страстного желания получить признание и почет. Я любил общественную похвалу и часто представлял себе ту или иную ситуацию и себя в ореоле славы. Говоря искренне, это и было одним из основных мотивов, заставивших меня оставить работу в недвижимости и принять предложение в церкви, где я мог быть у всех на виду, всем известный и всеми любимый. «Неужели тот единственный случай и стал всему этому причиной?»

«Конечно, нет. Таких случаев было множество, все они откапывали и подпитывали ту жажду, которая уже жила внутри». Он указал на мой живот. «Кому же не хочется быть любимым и признанным? Легче всего манипулировать этим чувством, когда призываешь кого-либо делать добрые дела. Другой вопрос – помогли ли тебе заученные стихи и посещение воскресной школы познать Отца лучше?

Что тебе дается легче: стремиться – к более близким отношениям с Отцом или к удовлетворению чувства собственного успеха? Вот где задачка! По моему мнению, ты не был бы в таком отчаянии, если бы все те преуспевания научили тебя познанию Отцовской любви. Однако ты продолжаешь усердно искать общественного признания, а заодно и Его признания, не осознавая, что последнее ты уже имеешь».

«Как это? Как я могу иметь признание Отца, если я все еще борюсь за него?»

«Потому что ты борешься не за то, что надо. Ты думаешь, что можешь заработать Отцовское признание, и эта удавка – самая жуткая из всех. Мы имеем Его признание не потому, что мы его чем-то заслужили, а по причине того, что Он сделал для нас на кресте. Поверь мне, Джейк, нет ничего в этой жизни, что ты можешь сделать, чтобы Он любил тебя сегодня больше, чем вчера; а также нет ничего из того, что могло бы заставить Его любить тебя меньше. Он просто любит тебя.

И только полное осознание твоего покоя в этой любви может изменить твою сущность, но не борьба за попытки заслужить ее».

Мои глаза наполнялись слезами. Он отворил во мне что-то такое, о чем я даже не подозревал.

«Так значит, что - все мои усилия тщетны?»

«Если они во имя того, чтобы заставить Его любить тебя больше, то – да... Даже если ты, Джейк, не подготовишь больше ни одного занятия по Библии и не проведешь ни одной душепопечительской беседы – от этого Он не станет любить тебя меньше».

Я ему не верил. Мысли вращались вокруг смысла этого последнего предложения. Вот почему большая часть моих усилий оказывалась совершенно тщетной. Я не прекращал зарабатывать то, что уже было мне отдано. И вместо того, чтобы жить в том, что уже было, я пытался создавать нечто свое собственное.

Прошло несколько мгновений, Джон оттолкнулся от стены и направился дальше по коридору, я присоединился к нему.

«Знаешь, что? В то утро, когда ты получил золотой значок за хорошую посещаемость, пастор - если бы он действительно тебя любил – должен был сказать что-нибудь такое: «Уважаемые братья и сестры, вот стоит перед нами молодой человек, который сегодня завершил трехлетний цикл занятий воскресной школы, ни разу не пропустив, ни одного. Я бы хотел помолиться за него, потому что все это говорит нам о том, что приоритеты его семьи непомерно искажены - за три года им не удалось ни разу отправиться в отпуск всем вместе. Это также означает, что он приходил на занятия даже больным, в то время как должен был быть в постели. Это говорит нам и о том, что погоня за золоченой безделушкой и обретение вашего признания значит для него больше, чем быть вам братом. Кроме того, ни один день из всех этих занятий не приблизил его к Богу ни на йоту».

«Не слишком ли грубо?» - возразил я

«Но и определенно отрезвляюще, Джейк. Однако если бы он так сказал, возможно, ты бы больше не стремился завоевать общественное мнение, которое скорее уводит тебя от Бога, чем открывает тебя Ему».

«То есть, вы пытаетесь сказать, что использование поощрения для похвалы Шерри не только пагубно для Бенджи, но и губительно для самой Шерри?»

Указательным пальцем он как бы нажал на воображаемую кнопку между нами. «Бинго! Тебе известно, что более чем 90% детей, возвращенных в воскресных школах, покидают церковь одновременно с родительским домом?»

«Ну, я слышал... Мы считаем, что это государственная система образования настраивает детей против их веры в Бога».

Джон скептически поднял брови. «Да ну? Очень удобная версия».

«Ну, мы же со своей стороны делаем все», - оборонялся я.

«Гораздо больше, чем тебе известно, как я думаю».

«Хорошо, значит, по-вашему, все плохое, что я мог узнать о Боге, я вынес из воскресной школы?» - некоторая издевка и недоумение были нескрываемы в моем голосе.

«Не совсем. Я же не сказал, что там все было плохо».

«Как же так? Мы учим детей познаниям о Боге, о Его Слове и о том, как быть хорошими христианами.....» - моя пламенная речь стихла, когда меня вдруг осенило, что знания о Боге и о том, что значит быть хорошими христианами совсем не то же самое, что умение жить с Ним.

«Я хочу, чтобы ты понял: то замечательное, что у вас тут есть, пронизано системой религиозных обязательств, которые искажают все. И пока ты это не поймешь, ты никогда не узнаешь, что значит держать Отца за руку».

«Как это?»

«Он заплатил слишком высокую цену за наше освобождение от этой системы, чтобы решить снова повесить ее нам на шею. В других твоих отношениях по жизни – возможно, но только не в общении с Ним. Эти отношения основаны не на том, что мы для них делаем, а на том, что сделал Он».

«Значит, я слишком перетруждался, - вы это говорите? Поэтому, значит, мои усилия не принесли результатов?» Что-то неловко выпирало. «Мои усилия» - это что ли? Ну, а разве мы не должны исполнять свою часть? Я глянул на Джона.

«Не совсем правильно», - сказал Джон, слегка усмехнувшись в бороду. «Но уже теплее. Лучше сказать, что ты пытаешься заслужить отношения, которые никогда не сможешь заслужить. Люди могут воздавать тебе аплодисменты за количество выученных стихов из Библии, за непрерывное посещение богослужений, но этого не достаточно, чтобы заслужить того непостижимого благорасположения. К тому же, ты стремишься ко всему этому не для того, чтобы познать Бога, а чтобы все вокруг тебя думали, какой ты духовный. И знаешь, что? – именно это ты и получаешь!»

«Значит, об этом Христос и говорил, когда указывал на то, что фарисеи показывались в своей праведности прилюдно и уже получали свою награду. Они получали то, к чему стремились. Я тоже. Но это не то, чего я хочу».

«И замечательно. Разве ты не видишь: путь, по которому ты идешь, не ведет туда, куда тебе сказали? Этот путь научит тебя быть хорошим христианином в глазах других, но не даст тебе познания Бога». Джон, казалось, уже никуда не направлялся. Он просто прослеживал глазами остававшиеся за нашей спиной классные комнаты, да и некоторых прихожан, стремительно, проходивших мимо нас. Я так был увлечен нашим обсуждением, что не замечал недоуменные взгляды, которыми нас одаривали. Расплата за это будет, но позже.

«То есть, я могу стать выдающимся христианином на фоне других, и упустить суть?»

«А разве нынче это не так? Взгляни на полноценные программы вашей церкви. А этот церковный комплекс, нужды детского служения, оборудование.... Это же все не на голом месте?»

«Однозначно! Требуются люди и деньги и духовное присутствие – я так полагаю».

«Ну да, именно это и поощряется, в основном. Скажи, что значит быть на хорошем счету в вашей церкви?»

«Постоянно посещать службы, жертвовать на нужды и не жить в очевидном грехе».

«Имеются в виду все грехи?»

«Не понял вопроса...»

«Я не знаю, как у вас, но в большинстве церквей обозначены некоторые грехи, которые вообще не допускаются, - это обычно аморальность и исповедание того, что руководство

церкви не приветствует. Остальное даже не принимается во внимание – такие мелочи, как сплетни, высокомерие или чувство вины. Иногда последние даже поощряются, потому что их всегда можно развернуть в свою пользу, когда нужно, и заставить человека поступить так, как ты хочешь».

Даже наше понятие о грехе было избирательным. Теперь я это понимал. Я хорошо знал тех, кто умели использовать эту систему в своих интересах, не беспокоясь о том, как это отразится на других. Я и сам был одним из них. Мы играли в религию для удовлетворения чувства собственного достоинства.

«Разве это не поразительно, что группа людей, регулярно собирающихся вместе, может превратиться в этакое «духовное братство», диктующее даже то, как в нем одеваться, что говорить, какие реакции себе позволять и какие песни любить петь. Разве не становится при этом четко ясно, в чем заключается образ хорошего христианина, и разве не приподнимается при этом основное правило – не мутить воду, задавая вопросы, которые ставят остальных в тупик?»

Точно подмечено.

«Одним из основных уроков, которые преподнес Господь своим ученикам, было прекратить рассматривать жизнь Бога в контексте ритуалов и обязанностей. Он пришел не для того, чтобы подмазать их религию в тех местах, где она поизносилась. Но пришел, чтобы предложить им отношения. Все исцеления в Шаббат и все записи о них – разве являются указанием на то, что по стечению обстоятельств, именно тогда Он нашел более больных людей? Конечно, нет! Он хотел, чтобы его ученики знали, что человеческие ритуалы и традиции всегда встают на пути силы и любви Отца Его Небесного. Кроме того, система захватывает, - потому что все, что мы делаем, мы делаем, думая, что это угодно Богу. Нет ни одной тюрьмы, крепче, чем религиозные обязательства. Мы попадаем в нее даже тогда, когда поощрительно похлопываем друг друга по спине. Вчера я проходил мимо синагоги. Вышел раввин и попросил меня зайти и включить ему свет. Ушедшие вчера забыли, а сам он не мог – иначе нарушил бы Шаббат».

«Ну, уж это просто глупо.....?»

«Для тебя – возможно. Но, впрочем, некоторые твои условности, не покажутся ли глупыми ему?»

«Некоторые мои? Я в субботу таких условностей не соблюдаю».

«Конечно, нет. Но что если ты вдруг не появишься на воскресной службе в течение месяца – просто будешь дома; или отдашь свою десятину нищим вместо того, чтобы положить ее на церковное блюдо?»

«Разве это одно и то же?»

Джон кивнул.

«Да, но я так поступаю, не потому, что принимаю это как закон, а потому что я свободен поступать так».

«Раввин ответил бы также. Но если ты будешь до конца откровенен с собой, ты поймешь, что делаешь это именно в силу своего убеждения в том, что все это приближает тебя к Богу и содействует Его благорасположению к тебе. И если ты отстранишься от всего этого, тебя загрызет чувство вины».

В тот момент я не понимал, что подразумевается под сказанным, но осознавал, что он был прав. Когда несколько лет назад наша церковь отказалась от проведения вечерних воскресных богослужений, я еще долго не находил себе места каждый воскресный вечер. Душой я все еще был там. Потребовалось два года, чтобы я смог спокойно оставаться дома в выходной, не чувствовать за собой вины и не планировать всякие группы в церкви на вечер, чтобы победить ощущение того, что я зря теряю время.

«Вот почему ты никогда не можешь расслабиться, Джейк. Готов поспорить, что даже в выходной тебе тяжело просто ничего не делать. Тебе стыдно, что ты прожигаешь время, которое мог бы как-нибудь использовать для Бога».

Пока я усваивал сказанное, до нас донеслось новое песнопение одного из детских классов.

*Осторожно, мои глазки, не на все будем смотреть.
Осторожно, мои глазки, не на все будем смотреть.
Зная то, что лишь с любовью смотрит Иисус на нас,
Будем очень осторожны, будем знать, на что смотреть.*

«Хуже не придумать», - сказал Джон, с очевидной болью покачивая головой. «Не могу слышать, когда детвора распевает эту песню».

Я сначала не понял, о чем это он говорил. Песня была знакомой. Я сам ее распевал, когда был ребенком, и своих детей научил, потому что она сопровождалась движениями, а детям это нравилось. Кроме того, я надеялся, что осознание того, что Бог видит все, поможет им принимать правильные решения. «Вы утверждаете, что в этой песне что-то не то?» - наконец спросил я.

«Порассуждай сам».

«Не знаю. В ней говорится о Господней любви к нам, о его желании уберечь нас от неугодных ему дел».

«И кем он представляется в этой песенке?»

«Не пойму, к чему вы клоните...»

«В песне используются прекрасные слова, такие как: «любовь» и «Иисус», но смысл ее превращает Бога в некоего небесного полицейского, который засел за рекламным щитом с радаром. Кому захочется приблизиться к такому Отцу? Любить того, кто внушает страх невозможно. Как невозможно и наслаждаться взаимоотношениями с тем, кто постоянно оценивает твою жизнь, с тем, чтобы определить, в полной ли мере она достойна его расположения. Чем больше ты сосредотачиваешься на своих собственных нуждах и недостатках, тем более удаленным будет казаться тебе Отец. Чувство вины. Оно отбрасывает нас от Бога в периоды, когда Он нам более всего нужен, вместо того, чтобы позволить нам броситься к Нему с нашими низкими падениями и большими вопросами, чтобы получить милость и благодать.

А теперь еще мы подключили Бога и его наказание к тому, чтобы укрепиться в понимании, что значит быть хорошим христианином.

Явен ли в этой песенке Отец, который знает нашу предрасположенность ко греху, который знает, насколько мы слабы, любовь которого готова уловить нас во всей полноте нашей греховности, преобразить нас в Его детей, и не на основе наших усилий, но на основе Его».

«Не думаю, что это когда-нибудь приходило мне в голову».

«Однако приходило.... Каждый раз, когда ты ее пел, ты думал о том, что видели твои «глазки» и слышали твои «ушки» из того, что Отец не одобряет. И от этого ты чувствовал себя плохо, но это чувство не подвигало тебя на то, чтобы быть лучше. Таким образом, умом ты осознавал любовь Отца, но душой стремился быть подальше от Него. И это худшее из всего, к чему может привести религия. Кто захочет приблизиться к такому Богу, который только и ждет, чтобы подловить человека в самый из худших его моментов, да и еще наказать покрепче за проступок? Мы слишком слабы перед таким Богом. Мы никогда не сможем достаточно преуспеть, чтобы заслужить Его любовь. Один единственный промах – и вот Он, Бог, уже тут – смотрит сверху и готов обрушить на нас бедствие за нарушение установленных стандартов.

А мы манипулируем чувством вины человека, чтобы подтянуть его поведение до принятых норм, никогда не осознавая, что это же чувство вины держит их на расстоянии с Богом».

К тому времени мы вернулись в вестибюль. Джон остановился и прислонился к стене. Он взглянул на меня, я заговорил: «Не удивительно, что мы всегда перепроверяем людей, побуждаем их к тому, чтобы поступать «правильно», и редко оставляем время на то, чтобы помочь им понять, что именно означает - иметь отношения с Отцом, который знает о них все и любит их безгранично».

«Да. Христова смерть это и означала. Вот почему, она была не только мощью, но и устрашением для культуры, возвращенной на религиозных обязательствах. И если вы больше не могли ее сносить и понимали, что одни обряды не могут открыть вам двери к небесным отношениям, ваше сердце ликовало, потому что это была самая знаменательная новость из всех. Но если, однако, ваше благосостояние или заслуженный статус зиждились на системе – Крест был крушением всего. Сегодня мы можем жить в любви, не делая ничего для того, чтобы заслужить ее».

«Но разве нельзя использовать такое утверждение в целях прикрытия своих грехов?»

«Конечно можно. Но то, что люди могут спекулировать на этом, не лишает истину ее истинности. Если кто-то желает жить ради себя, он и будет провозглашать подложную благодать, что с того? Но тем, кто действительно желает знать Бога, Он сам откроет эту дверь. наших усилий тут будет явно недостаточно».

«Не потому ли мои последние месяцы оказались совершенно бесплодными, что я просто пытался заслужить?»

«Точно. Отношения с Ним – Его дар, безвозмездно данный. Смысл креста заключается в том, что Он смог сделать для нас то, чего мы для себя никогда не смогли бы. Ключик к ларцу – не то, как мы его любим, но то, как Он любит нас. Начало в Нем. Осознай это и твои отношения с Ним начнут расти».

«При таком положении дел, большая часть из того, что мы делаем, совершенно неправильна. Что произойдет, если мы просто это прекратим?»

На этой ноте мы подходили назад к залу собрания, из которого звучало завершающее песнопение, наполнявшее вестибюль, поскольку наши швейцары уже открывали двери, готовя путь для выхода нашей паствы. Неужели я отсутствовал так долго?

«Не в этом же суть вопроса, Джейк! Я говорю о твоих отношениях с Живым Богом, а не о том, как исправить дела в данной религиозной организации. Конечно, это повлечет за собой радикальные перемены. Вместо того чтобы организовывать концерты, мы будем собираться для того, чтобы праздновать Его дела в жизни Его народа. Вместо того чтобы искать приемы, как бы заставить людей поступать «по-христиански», мы будем помогать им познавать Христа получше и предоставлять Ему возможность изменять их изнутри. Это перевернет жизнь церкви и жизнь ее паствы. Но все это не начинается отсюда», - он повел рукой в сторону зала собрания.- «Все начинается тут», - он постучал кулаком в грудь.

Один из служителей оглянулся и увидел меня. «Джейк, вот ты где! Пастор не мог отыскать тебя во время богослужения. Система барахлила всю службу, а он так и не дождался твоей помощи».

«Вот дрянь!» - простонал я. «Мне надо идти»,- сказал я Джону и рванул к дверям, выигрывая шаг у надвигавшегося на меня потока людей. Даже не знаю, что произошло с Джоном после того, но я точно знал, что мою собственную жизнь ждали перемены, как, впрочем, и ту информационную доску в воскресной школе.